

На правах рукописи

Андрюнина Мария Александровна

**Символика пространства
в славянской
похоронно-поминальной обрядности:
этнолингвистический аспект
(украинская, белорусская, западнорусская
и польская традиции)**

Специальность
10.02.03– Славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте славяноведения РАН в Отделе этнолингвистики и фольклора

Научный руководитель:

доктор филологических наук Людмила Николаевна Виноградова
(Институт славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Мороз Андрей Борисович
(Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Российской государственной гуманитарный университет»
(РГГУ), профессор кафедры славистики и центрально-
европейских исследований))

кандидат филологических наук Колосова Валерия Борисовна
(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-
Петербург), научный сотрудник Словарного отдела))

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина», кафедра русского языка
и общего языкознания филологического факультета

Защита состоится 24 ноября 2015 г. в 15:00 час. на заседании
диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук
при Институте славяноведения РАН по адресу: 119991 г. Москва,
Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете
Института славяноведения РАН.

Автореферат разослан 16 июля 2015 г.

Размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru>
и ВАК при МОН РФ

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. Валенцова
© Институт славяноведения РАН

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена изучению символического языка пространства похоронно-поминальной обрядности восточных и западных славян (поляков). Работа выполнена в русле Московской этнолингвистической школы и использует ее методологию, разработанную в трудах основоположников школы Н.И. и С.М. Толстых, а также в работах других видных ученых: Л.Н. Виноградовой, А.А. Плотниковой, Т.А. Агапкиной, А.В. Гуры, В.В. Усачевой, О.В. Беловой, Е.С. Узеновой, А.Ф. Журавлева, И.А. Седаковой, А.Б. Мороза, Е.Л. Березович и др. Московское направление этнолингвистики постулирует изучение языка в его теснейшей связи с народной культурой, психологией, мифологией, фольклором и обрядностью; широко использует лингвистические методы и подходы (структурно-морфологический, семантический, прагматический, ареальный и др. для реконструкции символического языка традиционной духовной культуры.

Объектом изучения в работе являются погребально-поминальные обряды и обычаи восточных и западных славян (поляков), относящиеся к ним верования и терминология.

Предмет исследования – архаические представления о пространстве и их отражение в языке (лексике, фразеологии, паремиологии и пр.) и духовной культуре: в данном случае в структуре, прагматике и семантике похоронного и поминальных обрядов; в символике пространственных реалий, в мифологических представлениях о жизни и смерти, в народной аксиологии. Иначе говоря, в диссертации рассматривается *локативный код* погребально-поминальной обрядности, включающий в себя: мифологические представления о *пространстве* в целом и о конкретных пространственных *объектах* (отдельных *локусах*, реальных и мифологических); основные семантические оппозиции, лежащие в основе пространственной картины мира («верх – низ», «передний – задний», «право – лево», «внешний – внутренний», «центр – периферия», «восток – запад», «север – юг», «по солнцу – против солнца» и пр.).

Цели и задачи исследования. *Основной* целью исследования является раскрытие семантики пространства и его элементов на основе анализа терминологии и системы ритуалов и верований, связанных с похоро-

нами и поминками. *Конкретные* задачи исследования можно сформулировать следующим образом:

- Выявить релевантные для погребальной и поминальной обрядности локусы, установить их ритуальные функции и символическое значение.
- Собрать обслуживающую данный обрядовый комплекс лексику и фразеологию, с помощью этнолингвистического анализа выявить ее мифологическую семантику и связь с обрядом и верованиями.
- Определить ценностные характеристики элементов пространства в похоронной и поминальной обрядности, показать роль семантических оппозиций в культуре и языке.
- Определить общие принципы структурирования пространства в погребальной и поминальной обрядности исследуемого региона.
- Указать на региональные различия бытования обрядовых действий, поверий, терминов (там, где это возможно).

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной изученностью пространственных параметров в структуре и семантике погребально-поминальной обрядности. Между тем, пространственные характеристики выступают стержневым элементом в похоронных обрядах и представлениях о смерти, содержательной основой которых является идея перемещения души умершего из одного пространства (мира живых) в другое (мир мертвых). Почти все ритуальные акты похоронно-поминальной обрядности можно рассматривать как «операции с пространством», сосредоточенные вокруг границы «жизнь – смерть»¹.

Материал и источники. Основой исследования послужили материалы, собранные на территории Полесья во время экспедиций последней трети XX века, хранящиеся в Институте славяноведения РАН (Полесский архив). Обращение к полесским данным не случайно. Географи-

---

¹ см. *Байбурина А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 112–115; *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М., 1993. С. 56–58; *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 72; *Коновродська В.* Поліський поховальний і поминальні обряди // Етнолінгвістичні студії. Т. 1. Житомир, 2007. С. 191–192.

ческое положение Полесья на стыке трех восточнославянских этносов и на границе с землями западных славян, а также его архаика в языковом и культурном отношении делает Полесье одной из ключевых зон Восточной Славии.

Помимо полесских данных, в диссертации исследуется материал прилегающих к Полесью белорусских, украинских и западнорусских областей (Брянская, Калужская и Смоленская области), а также данные с территории Польши. В некоторых случаях привлекаются свидетельства из других областей: Русского Севера, Заонежья, Урала и пр.

Как уже неоднократно отмечалось исследователями, словари (литературные и диалектные) неполно и часто случайно фиксируют «культурную» лексику или недостаточно учитывают культурные контексты обрядовых и иных терминов. С другой стороны, этнографические описания, предоставляющие разнообразные контексты, не исследуют специально их язык (лексику и терминологию обрядов и верований). Поэтому, в работе использовались самые разные источники:

- словари (диалектные, этимологические, этнолингвистические и др.), лингвистические и этнографические атласы;
- этнографические описания погребального и поминального обрядов XIX–XX вв., в том числе в периодических изданиях;
- архивные данные (Полесский архив Института славяноведения РАН; Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа / Архив БФЭЛА (рукопись; Минск); Архангельский архив Института славяноведения РАН и пр.;
- собственные полевые материалы автора, собранные в экспедициях 2010 и 2012 гг., проведенных совместно с ГНУ "Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Белоруссии" (обследовано около 30 сел в Минской и Могилевской областях).

Степень изученности темы. Одним из первых обратил внимание на значимость пространственных параметров погребального обряда Д.К. Зеленин, показавший, что выбор локуса для погребения оказывается принципиально важным для поддержания естественного природного равновесия: похороны «нечистых» покойников (самоубийц и т. п.) в низких, болотистых местах, в лесах и пр.; недопущение их на территорию кладбища обеспечивало с точки зрения традиционной культуры благопо-

лучие сельского сообщества. Локусы погребения разных групп умерших были рассмотрены на полесском материале в статьях Г.И. Кабаковой, М.Н. и С.М. Толстых ².

А.К. Байбурин в своих монографиях «Ритуал в традиционной культуре» ³ и «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» ⁴ рассмотрел символику дома и его частей в погребальной и поминальной обрядности, а также проанализировал концепты «жизни», «смерти» и «перехода», оказывающимися базовыми в обряде. Перемещение, связь между областями жизни и смерти, дорогу как воплощение этих идей описала Л.Г. Невская в статье «Семантика “дороги” и смежных представлений в погребальном обряде» ⁵; перу того же автора принадлежит статья, посвященная особой символике дома в погребальном обряде ⁶. В книге О.А. Седаковой «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» ⁷ уделено особое внимание символике пространства в погребальном обряде, выделена его основная функция (раздел сфер жизни и смерти, мира живых и умерших), определена мифологическая связь «смерти» и различных локусов (смерть – дерево, смерть – вода и пр.). Мифологическим представлениям о мире мертвых и пути в этот мир посвящены работы С. Небжеговской, В.Е. Добровольской, С.М. Толстой ⁸.

---

² Кабакова Г.И. Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994. С. 312–317; Толстая С.М., Толстая М.Н. Погребения в саду у "горюнов" Сумской области // Живая старина, М., 2003. № 2. С. 10–13.

³ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

⁴ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

⁵ Невская Л.Г. Семантика «дороги» и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980.

⁶ Невская Л.Г. Дом в погребальном фольклоре (балто-балканские параллели) // Balkano-Balto-Slavica, М., 1979. С. 92–95.

⁷ Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

⁸ Niebrzegowska S. Dusze na pokucie. Lubelskie opowieści wierzeniowe // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. Т. 9/10. Lublin, 1998. С. 319–328; Добровольская В.Е. Суеверные представления, связанные с переходом в мир мертвых. На материале регионов Русского Севера и Цен-

Особые состояния пространства в контексте погребальной и поминальной обрядности (его «обратность», перевернутость) рассматриваются в работах Н.И. Толстого и А.А. Плотниковой⁹.

За последние десять лет в науке отмечен значительный рост интереса к пространству смерти: семантике кладбища посвящен польский сборник «Некрополи как знак культуры польско-восточнославянского пограничья»¹⁰ и ряд других работ.

Научная новизна исследования. Диссертация является первым обобщающим трудом, анализирующим символику и функции пространственных параметров в погребально-поминальной обрядности на материале лексических и обрядовых данных, собранных на территории Белоруссии, Украины, Польши, западнорусских земель.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В основе мифологии, семантики и оценки пространства в целом и отдельных локусов лежит оппозиция «жизнь – смерть», противопоставление мира живых и мира мертвых.

2. Главными пространственными концептами в похоронно-поминальной обрядности являются: 1) *дом* и окружающее его «свое» пространство; 2) *кладбище* как область, принадлежащая мертвым; 3) *путь* в его реальном (дорога от дома до кладбища) и мифологическом значении (дорога души в потусторонний мир). Каждый из этих концептов объединяет в себе представления о целом ряде конкретных локусов, точек и границ, наделяемых собственной семантикой, символикой и функ-

---

тральной России // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. М., 2005. Вып. 8. С. 107–119; Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

⁹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 213–222; Плотникова А.А. Семантика «наоборот» в языке славянской похоронной обрядности // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Н.И. Толстого / Отв. ред. С.М. Толстая, М., 2013. С. 92–100.

¹⁰ *Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego* / Red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, L. Frolak. Lublin, 2011.

цией (напр.: *дом* – дверь, окно, пол, красный угол и т. д., *кладбище* – ворота, могила, крест и т. д., *путь* – порог дома, ворота, граница села, река и т. п.).

3. Семантика и оценка локуса зависят от обрядового *времени*: дом, в котором произошла смерть, перестает восприниматься как «свое», «безопасное» пространство и становится «локусом смерти», но после совершения поминальных обрядов (сороковой день или год с момента смерти) восстанавливает статус «своего», жилого пространства. Кладбище воспринимается как 1) дом умершего во время и сразу после похорон и в обрядах весенне-летних поминок и 2) потустороннее пространство после погребения и в осенне-зимний период.

4. Для единиц локативного кода погребально-поминального комплекса характерен *изоморфизм*: семантические соответствия «дом – могила», «дом – гроб», «селение – кладбище»; существует также обрядовый и мифологический параллелизм: похороны – новоселье, весенняя уборка в доме – уборка и обустройство могилы и пр.

5. В исследуемом регионе, особенно на востоке Полесья, до недавнего времени сохранялись обычаи погребения детей (иногда и стариков) в домах и в садах, что свидетельствует об исключительной архаике полесской традиции и устойчивости древнейших представлений о соотношении мира живых и мира мертвых.

Соответствие диссертационного исследования паспорту специальности ВАК. Работа выполнена в рамках специальности 10.02.03 – славянские языки.

Теоретическая значимость работы. Проведенный в диссертации этнолингвистический анализ локативного кода погребально-поминальной обрядности, представлений о смерти восточных и западных славян и относящейся к ним терминологии показал, что пространственные понятия, символика, обрядовые функции и оценки пространства в целом и отдельных локусов являются не просто «внешними» характеристиками и параметрами совершаемых обрядовых действий (приготовления к смерти, погребения, поминания) – они связаны с важнейшими концептуальными элементами содержательной стороны всего комплекса обрядов и верований, относящихся к смерти. Представления о пространстве, засвидетельствованные языком, погребально-поминальными обря-

дами и верованиями восточных и западных славян отражают архаическое мифологическое восприятие мира и примитивно-магические способы взаимоотношения с ним человека, свойственные дохристианскому этапу развития славянской культуры.

Практическая значимость исследования. Материалы и наблюдения, представленные в диссертации, могут быть использованы при исследовании категории пространства и символического языка культуры на материале других разделов и комплексов традиционной славянской культуры, а также иных региональных и локальных традиций. Результаты исследования могут быть полезны при составлении учебных пособий и спецкурсов по славянской лексикологии, этнолингвистике, мифологии и духовной культуре. Разработанная специально для целей данного исследования программа по сбору полевого материала может быть востребована диалектологами, этнолингвистами, фольклористами и этнографами.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Основные положения диссертации излагались на четырех международных и региональных конференциях: Толстовские чтения 11 (Ясная Поляна, 2007), Толстовские чтения 14 (Ясная Поляна, 2010), «Языки традиционной культуры» (РГГУ, 2011), «Танатологические практики и нарративы в современной культуре: советский и постсоветский период» (Институт этнологии и антропологии РАН, 2014). По материалам диссертационного исследования было опубликовано 10 статей, в том числе три в изданиях, рекомендованных ВАК; общим объемом 6,1 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, четырех приложений; списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, сформулированы его цели и задачи, показана степень научной разрабо-

танности темы; охарактеризованы источниковедческая база, методология, научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Пространство жизни: дом» посвящена концепту «дом» и его месту в погребальной и поминальной обрядности. В традиционной культуре дом воспринимается как микрокосм и модель всего мироздания, которая разрушается посредством смерти и восстанавливает свою целостность и безопасность для людей с помощью соответствующих обрядов.

Первый параграф *«Подвижный статус жилища в похоронной и поминальной обрядности»* показывает, что дом меняет свое мифологическое значение в зависимости от обрядового времени. В погребальной обрядности его обычный статус безопасного жилища живых разрушается в момент произошедшей в нем смерти. Дом оказывается локусом смерти: в нем находится тело умершего, рядом с которым еще витает душа. По мере отдаления от момента смерти, захоронения тела, ухода из жилища души умершего дом восстанавливает свой нормальный статус, закрывает свои границы от потустороннего мира.

В разделе *«Смерть “разрушает” дом»* описывается символическое (а иногда и реальное) нарушение целостности дома и его границ, что является отправной точкой в изменении статуса жилища с «безопасного» и «жилого» на «опасный» и «связанный с потусторонним миром». Именно вблизи жилища повсеместно наблюдались прогностические знаки (приметы), говорящие о грядущей смерти одного из членов семьи: за таковые принимали необычное поведение птиц, собак, других животных; самое негативное значение приписывали пересечению вестниками смерти границ дома (птица, влетевшая в жилище; стуки, шаги, падение икон в самом доме и пр.). Раскрытие границ дома составляет семантическую основу многих ритуальных действий, направленных на облегчение агонии: двери и окна открывали, чтобы смерть быстрее пришла к умирающему; во время агонии ведьмы разбирали часть крыши и пр. Разрушение оболочки дома (разбирание крыш, стен, прорывание лаза под порогом и др.) часто имело место при выносе из дома покойных особой категории, с похоронами которых связаны наиболее архаические элементы погребальной обрядности.

В разделе *«Изменение статуса жилища. Дом “на границе миров”»* исследуется семантика жилища после произошедшей в нем смерти.

Значение «пограничности» дома в этот период и его опасности для живых подтверждают соблюдаемые в нем запреты на ряд видов деятельности: печение хлеба, заготовку овощей; в доме нельзя было здороваться с проходящими; в нем держали открытыми окна и двери, чтобы не мешать душе умершего беспрепятственно выходить из дома и возвращаться обратно к телу, рядом с которым она находится еще некоторое время. Для односельчан дом с покойником был местом контакта с потусторонним миром и локусом повышенной опасности: после его посещения соблюдали меры предосторожности, чтобы не «принести смерть» в свою семью; среди других домов села его выделяли особым образом (крышка гроба или траурные хоругви во дворе, еловые ветки или щепки от гроба на земле и пр.).

В описываемый период дом приобретает еще дополнительную семантику «покойнического места», которая анализируется в следующем разделе *«Дом – локус смерти. Мифология “покойнического” места»*. Тело покойного размещали в специально отведенном для этого месте дома (покуть, центр жилища), часто мифологически связанном с культом предков (покуть); рядом с телом помещали разнообразные обереги, чтобы локализовать смерть, поставить ей преграду, не дать распространиться далее. «Место покойника» (прежде всего под ним подразумевалась постель умершего или место, где стоял гроб) считалось прибежищем души умершего или вредоносной «силы смерти»; с ним связывался ряд ритуальных действий и мифологических представлений. Место покойного запрещалось занимать живым (спать на постели умершего); после выноса его не оставляли пустым (садились сами или ставили хлеб), чтобы «занятость» данного локуса изгнала смерть и восстановила нормальную жизнь дома. С другой стороны, на месте покойного спали, чтобы наладить контакт с потусторонним миром.

Помимо локуса смерти и тела умершего, в данный период дом оказывался также местом пребывания души покойного. Мифологические представления об этом и связанные с ними ритуальные действия рассмотрены в разделе *«Дом – локус души умершего»*. Душа может либо постоянно находиться рядом с телом умершего, либо посещать свой дом время от времени. Представлениями о пребывании души умершего в доме объясняется ряд соблюдаемых в нем запретов и предписаний: окна и двери держали открытыми, чтобы не затруднить душе перемещений; оставляли включен-

ным свет, не засиживались допозна, вывешивали на стену снаружи ленту, полотенце и пр., чтобы душа опознала свое жилище и др.

По мере прохождения времени с момента смерти душа все чаще отлучается из дома и все дальше удаляется от него. Семантика жилища на этой стадии рассмотрена в разделе *«Душа уходит из дома – “восстановление целостности” жилища»*. Покинув жилую часть дома, душа сначала перебирается на его периферию (на чердак, в хозяйственные постройки, на двор), а потом покидает его насовсем, возвращаясь лишь в дни календарных поминок. С окончательным уходом души (в сорок дней или год) жилище полностью восстанавливало свой статус безопасного пространства живых, а соблюдаемые в нем запреты снимались.

Второй параграф первой главы *«Внутренняя структура домашнего пространства»* посвящен семантике и мифологии локусов в пределах домашнего пространства. Практически все они оказываются релевантными, хотя и в разной степени значимы: по одним зафиксирован массовый материал (покуть, порог и пр.), по другим – единичные свидетельства (задняя стена дома, слуховое окно, сени и пр.). Локусы в пределах дома могут быть разделены на следующие группы: места в в е р х у и в н и з у жилища (чердак, крыша, подпол), п о г р а н и ч н ы е локусы (дверь, окно, порог); локусы с семантикой с а к р а л ь н о г о ц е н т р а жилища (покуть, центр дома, печь); п е р и ф е р и я дома (сени, чердак, подпол, двор, хозяйственные постройки и пр.). Принадлежность к группе часто определяет семантику и обрядовые функции локуса.

В разделе *«Мифологическая семантика локусов вверху и внизу жилища»* проанализирована вертикальная структура дома, в общих чертах повторяющая модель мирового древа: верх (крыша, чердак, потолок), середина (жилая часть), низ (подполье, пол). Локусы вверху и внизу жилища противопоставлены по признаку «верх – низ», но сопоставляются по значению 'нежилое пространство', 'домашняя периферия', 'место обитания душ'. Семантика данного сопоставления верха и низа жилища проявляется в приемах облегчения агонии (умирающего перекладывали на пол или на землю, снимали часть досок потолка или пола, чтобы ускорить смерть), в обычае помещать на чердаке или в подполье покойницкие предметы, а также в практике погребения умерших в подвале (чаще всего некрещеных детей).

В разделе *«Дымоход – канал связи между верхним и нижним миром»* раскрыто значение печной трубы в обрядах похоронно-

поминального цикла. Практически повсеместно дымоход выступает в роли медиатора между «тем» и «этим» светом, по нему души умерших и демонологические персонажи покидают жилище и возвращаются обратно. Смежность дымохода с печью – сакральным центром жилища – объясняет переход семантики «сакрального» и на печную трубу, что выражается в представлениях о ней как о субституте дома (в приметах о смерти), в практике дотрагиваться до дымохода после похорон с целью очищения от влияния смерти и преодоления страха перед ней.

Семантике печи посвящен раздел *«Печь как сакральный центр дома»*. Печь отождествляется с домом и семьей в целом (ср.: рус. *дым*, пол. *ognisko* в значении ‘семейный очаг’). Тождественность дома/печи/семьи прослеживается в ряде примет смерти, истолковывающих треск с разных сторон очага как предвестие смерти для разных членов семьи. Другой составной частью «сакральной» символики печи является ее тесная связь с огнем, его очистительными и трансформирующими свойствами. Данные представления объясняют частое использование печи, а также печной утвари и золы в обрядах очищения: к печи прикладывали руки после похорон, печные атрибуты широко использовались в качестве оберегов. Смежность печи и дымохода придавала ей дополнительную семантику пограничного пространства, пути сообщения между мирами и локуса душ, что особенно ярко прослеживается в обычаях ставить к печи пищу для душ, ожидать рядом с ней их присутствия и пр.

«Мифологическая и ритуальная символика углов жилища» раскрывается в следующем разделе. Семантически углы жилища соотносятся с идеей дома в целом (ср.: рус. *иметь свой угол*); однако самым мифологически маркированным углом в доме оказывается *передний, красный угол, покуть*. Данный локус обнаруживает теснейшую связь с культом умерших и огромную ритуальную нагрузку в погребальной и поминальной обрядности: на покути обычно размещали тело умершего, а в некоторых случаях на потолочных балках в этом месте избы велась семейная хроника (Подлясье)¹¹. Иногда под углами дома могли погребать некрещеных детей, более часто встречается обычай оставлять там (в углах внутри или снаружи жилища) покойницкие предметы. Углы считались местами появления душ умерших, поэтому предназначенные им предме-

¹¹ Территориальная атрибуция дана лишь для редких примеров; более распространенный или массовый материал приводится без нее.

ты (чаще всего пищу и воду на поминках) размещали именно в углах, особенно на покути.

Особой семантикой обладают локусы, являющиеся частями внешней границы дома; таким местам посвящен следующий раздел, озаглавленный *«Локусы на границе жилища – окно, дверь и порог»*. Окна и двери имеют общую семантику места коммуникации между пространством дома и миром вне его, но часто противопоставлены по признаку *«регламентированный – нерегламентированный вход»*. Через двери, но чаще через окна души умерших входят в жилище и покидают его, поэтому для данных локусов важен показатель открытости или замкнутости, что позволяет или запрещает потусторонним сущностям входить в дом. Окна чаще бывают маркированными как локусы душ (особенно покутное окно), этим объясняется помещение на окнах предназначенных душам предметов (напр. ритуальной пищи).

Важной частью границы дома оказывается порог, в погребально-поминальной обрядности он проявляет большую семантическую нагруженность и ритуальную напряженность. Пороги часто становились местом погребения умерших (некрещеных детей) и считались локусами пребывания душ предков; этими представлениями мотивировано большое количество относящихся к порогу запретов. Для порога (и двери) особенно важной оказывается семантика *«выхода из дома»*, *«границы»*, что делает данный локус важным в обрядах выноса умершего из дома, раздела *«доли»* между живыми и мертвыми; восстановления, замыкания границ дома после выноса.

Каждый локус имеет свои постоянные свойства и оценки; например, дверь, окно, порог в народной культуре обладают общей семантикой пограничных мест (см. выше). В погребально-поминальной обрядности те же локусы могут приобретать дополнительные характеристики, относительную семантику, зависящую от их обрядовой роли и времени: они становятся местами пребывания душ, демонов, живых участников обряда (напр. порог при выносе тела из дома – локус души умершего; дом после выноса – место живых, жилище до выноса – локус смерти и души умершего и пр.).

Третий параграф первой главы *«Дом – локус поминальных обрядов. Символическое “кормление” умершего»* исследует на материале поминок относительную семантику домашних локусов. Разнообразные обряды поминального характера основаны на общей идее взаимовыгодного

контакта между живыми и их умершими родственниками: в обмен на ритуальную пищу души умерших наделяют живых урожаем, везением в хозяйстве и другими жизненными благами. Пространственная характеристика поминальных обрядов играет ключевую роль в понимании их значения, так как ритуальная пища должна размещаться именно в тех местах, где ожидается присутствие душ умерших. Актуальность тех или иных локусов в данных ритуалах и их семантика напрямую зависят от обрядового времени.

В разделе «*Личная поминальная обрядность*» проанализированы пространственные характеристики поминок, происходящих дома от момента смерти до годового поминального обеда. Во время содержания умершего дома его душа все еще находится рядом с телом, на что отчетливо указывают локусы, избираемые для размещения даров для нее: еду клали в гроб (пол.), на столик возле гроба, на покутное окно или на стол на покути (гроб, покуть – локусы души). Во время поминального обеда в день похорон выходили звать душу на улицу, открывали окна и двери (семантика локусов коммуникации между мирами), чаще всего на покути или возле нее ставили угощение для умершего (локус души). После поминок сорокового дня открывали окна, чтобы душа умершего могла уйти из дома (семантика выхода души).

Следующий раздел «*Календарная поминальная обрядность*» раскрывает пространственный «портрет» поминальных обрядов *дедов и задушек*, который содержит идею прихода душ в дома родных, совместной трапезы живых с умершими, ухода душ на «тот свет». Перед ужином открывали окна, двери и дымоход, который заранее чистили, ожидая приход душ (семантика локусов коммуникации). Возле перечисленных мест, а также на крыльце дома и на дворе произносили формулы приглашения душ (крыльцо и двор – элементы внешнего пространства и локусы духов). Во время самого ужина предназначенную душам пищу оставляли на столе, клали под него и пр., что раскрывает семантику стола как локуса душ и подчеркивает идею «совместности» трапезы живых с умершими.

В анализируемых обрядах особенно важным является динамический аспект пространства: *п е р е м е щ е н и е* участников обряда с ритуальной пищей. Сначала, во время приглашения душ, приглашающий движется из дома (от стола к окну, к печи, к двери, к порогу) наружу (на двор, к воротам и т. д.), что символизирует открытие границ жилища изнутри и приход душ через перечисленные локусы (ворота – двор –

крыльцо – дверь/окно/дымоход – стол). В конце ужина, во время выпроваживания душ движение осуществляется в обратной последовательности (стол/углы/покуть/печь – дверь, порог, окно – крыльцо). Потом души вместе с предназначенной им пищей выпроваживаются еще дальше: еду относят в сад, в хлев, забрасывают на крышу или даже оставляют на кладбище на могиле, что символизирует возвращение душ на «тот свет».

В разделе *«Весенние поминальные дни»* рассмотрена символика дома во время весенней поминальной обрядности: в этот период ожидается возвращение душ в свои дома, где они навещают своих родных и хозяйство, для них оставляют пищу и соблюдают ряд запретов. В этот же время поминают в домах покойников особой категории (детей, рано умерших и самоубийц). Их присутствие также ожидается в жилищах или вблизи них, где для них оставляли лакомства и вывешивали одежду на дворе.

Последний раздел данного параграфа *«Окказиональные обычаи с поминальной семантикой»* посвящен обычаю «кормить» души каждый раз, когда пекли хлеб или блины. Привлеченные запахом горячего хлеба, души подлетают к окнам домов и входят внутрь, где им на столе и на окнах оставляют угощение.

В круг домашних территорий в некоторых случаях оказываются включенными также локусы, формально находящиеся за пределами дома: двор, сад, хозяйственные постройки, гумно, улица села, колодец и пр. Таким локусам посвящен четвертый параграф первой главы *«Символика локусов на домашней периферии – двор и усадьба»*. На изучаемой территории ритуально и мифологически маркированы баня, конюшня, хлев и другие постройки для содержания скота, сарай для хранения дров, гумно; места возле фундамента дома, сад и огород (их углы), деревья, мусорная куча; особенно важными оказываются места с символикой границы: ворота и забор. Пространство двора и усадьбы характеризуется понижением признака «сакральности», «освоенности» и «защищенности» по сравнению с домом. В дни поминок во дворе собирались души умерших, после захода солнца вступали в силу запреты (напр. не выливать воду на двор), чтобы не беспокоить находящихся там душ и других мифологических персонажей; двор и усадьба были локусами, где избавлялись от покойнических предметов.

Раздел *«Двор и усадьба – локусы погребения особой группы умерших»* рассматривает архаический обычай погребения мертвых на

территории домашнего пространства. В некоторых областях (Сумская обл.) этот обычай сохранялся до недавнего времени и касался некрещеных детей, иногда висельников и утопленников, а также тех членов семьи, кто завещал такой способ погребения. Чаще всего хоронили во дворе или в саду (обычно некрещеных детей хоронили под плодовым деревом – яблоней, грушей, вишней, калиной или акацией), для этого также могли избирать огород, гумно; места возле забора, под фундаментом сарая или дома.

Следующий раздел «*Дальние локусы круга “домашних” пространств*» описывает значение ряда локусов вне индивидуальных владений семьи. Территория села могла осмысляться как самая дальняя периферия дома; население деревни также мыслилось как увеличенная, большая семья. Например, на главной улице села могли устраивать поминальную трапезу для чужих, в то время как родные поминали умершего дома (рус. смол.). На территории села и деревни оказываются значимыми участки дороги перед домом умершего (маркирование дома, где произошла смерть – осыпание этого места щепками от гроба и др.), главная улица села, колодцы (локусы поминания утопленников и пр.).

Во **второй главе «Пространство смерти: кладбище»** анализируется семантика кладбища: оно осмысляется как «святой» и «страшный» локус, как среда обитания опасных и мстительных душ «заложных» покойников и помогающих своим живым потомкам «родителей»; как место памяти, как поселок мертвых и промежуточное место между «тем» и этим светом. Относящаяся к кладбищу и смерти лексика раскрывает древний обычай хоронить покойных в лесах, на возвышенностях, иногда вблизи рек и дорог: ср.: рус. *отправиться на горку*; пол. *pójść pod dębine* ‘умереть, быть похороненным на кладбище’ [букв. уйти под дуб]; рус. диал. *в роцу пойти, пойти в зеленый гай, уйти под елку*, об этом же свидетельствуют и данные археологии¹². Релевантные для погребальной и поминальной обрядности локусы внутри кладбища обладают различной культурной семантикой, в общих чертах повторяющей значение локусов

---

¹² См.: *Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова. М., 1956; *Седов В.В.* Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V–VII вв. // *Очерки истории культуры славян.* М., 1996. С. 5–115.

в пределах «домашних» пространств (центр, периферия, коммуникативные, пограничные места).

Первый параграф *«Центральная часть кладбища»* посвящен семантике церкви, общего креста, могилы первого покойника. Все перечисленные локусы имели сакральный статус: во время посещений кладбища возле них молились и оставляли приношения. Другая сторона их семантики – значение «главного» локуса, что в случае церкви и общего креста связано с религиозной составляющей; могила же первого покойника оказывалась «главной» из-за семантики «первого», «начального»; первый захороненный начинал восприниматься как «глава», «хозяин» кладбища.

В параграфе *«Аксиологический статус кладбищенской периферии»* рассматривается «сниженное» ценностное значение локусов на границе кладбища, что делало их предпочтительными местами для похорон покойных особой группы, считавшихся недостойными лежать рядом со своими родными (самоубийцы, некрещенные дети и пр.). Могилы таких покойных на краю кладбища часто воспринимались как места пребывания их неуспокоенных душ и потому опасные для живых.

В параграфе *«Ворота кладбища как коммуникативная часть его границы»* раскрыта семантика ворот как «места встречи» между «тем» и этим светом, между умершими и их живыми родственниками и потому требующих соблюдения особых правил при проходе через них.

Важнейшим из всех кладбищенских локусов является м о г и л а и вся совокупность находящихся на ней сооружений и предметов (ограда, калитка, надгробные сооружения в форме дома, лавочки, столики; кресты, памятники, деревья и пр.). Символике могилы и надгробных сооружений в традиционной культуре посвящен параграф *«Семантика могилы в традиционной культуре»*.

В разделе *«Могила – дом, подворье»* раскрыта семантика могилы как нового дома для умершего, выраженная в лексике (полес. *хата*, бел. *хатка*, рус. помор. *дом*, *домик*) и типах надгробных сооружений, напоминающих домик. Убранство могилы (ограда, лавочка, столик и пр.) повторяет в общих чертах дом и подворье.

Так же как и дом, кладбище и могила характеризуются изменчивостью своего статуса в зависимости от календарного и обрядового времени. В разделе *«Похороны – “переезд” в новый дом»* рассматривается первый случай такого изменения семантики могилы, что происходит во вре-

мя похорон. Исполняемые на кладбище погребальные обряды были призваны, в первую очередь, создать символический «дом» умершему на «том свете», чем достигалось успокоение его души. Во время погребения внутреннее пространство могилы обустроивали досками и тканью, бросали в нее деньги, чтобы покойник мог купить себе дом на «том свете» и пр. Практикуемые в ряде областей поминки на могиле повторяли поминальный обед дома: душу умершего приглашали к столу, для него оставляли еду и др.

Второй случай параллелизма могилы и дома наблюдается во время поминок на кладбище в весенне-летний период (раздел «*Могилы в весенне-летний период*»). Так же как и дома, в это время на могиле убирались в ожидании прихода душ, вешали на кресты новые рушники, стелили на могиле скатерть, расставляли по ней принесенную с собой еду, молились, приглашали на обед души покойных, оставляли еду для мертвых после ухода. Осенью и зимой могила и кладбище, наоборот, семантически удаляются от дома по направлению к миру природы и «тому свету».

Другая грань значения могилы рассмотрена в разделе «*Могилы – вход на “тот свет”*». Во время копания могилы и самого погребения соблюдали ряд правил, обеспечивающих правильное открытие и закрытие пути в потусторонний мир: только что выкопанную могилу не оставляли без присмотра, чтобы не спровоцировать очередную смерть; во время погребения следили, чтобы в нее не попало ничего лишнего (напр. цветы или личные вещи), иначе будут дальнейшие смерти и неурожай; могилу *печатали* (проводили по ней крестообразно лопатой), чтобы умерший не вернулся. С другой стороны, в могилу бросали все, от чего хотели избавиться: платки, которыми вытирали слезы по умершему; вредных насекомых из хаты, покойницкие предметы. В могилу помещали также то, что хотели «передать» покойнику на «тот свет».

В разделе «*Соотнесенность могилы с погребенным*» рассматривается лексика и ритуальные действия, которые свидетельствуют о восприятии могилы как аналога тела умершего, имеющего глаза, ноги, голову; ср.: бел. *парыць старых* ‘обметать могилу березовыми ветками на Троицу’; рус. заонеж. запрет на уборку могил осенью и зимой, соблюдаемый, чтобы покойникам не было холодно «Зачем одеяло/шубу снял/а; холод такой голове и ногам» [жалуются покойники во сне]. Надгробным сооружениям часто придавали антропоморфные черты; придя на кладбище, здоровались с покойником и целовали крест.

Пятый параграф второй главы «*Кладбище – область иного мира на земле*» исследует восприятие кладбища как проекции «того света» в мире живых: кладбище с семейными захоронениями изоморфно социальной организации села; у покойников есть дома и хозяйство (могила и надгробные сооружения), семьи; они охраняют границы кладбища, ряд быличек рассказывает, что они дружат или враждуют между собой. С другой стороны, важным признаком «потустороннего» пространства является его «перевернутость» по отношению к нормальному миру живых; в нем нет солнечного тепла и пр., ср. голошение: «А цяпер ты забралася ў тэ сяло, / Дзе сонейка не грэе, / Дзе ветрык не вее» (бел.).

Посещение кладбища требовало соблюдения особых правил и запретов, которые предохраняли от неблагоприятного влияния потустороннего мира и лежащих на кладбище «заложных» покойников. Идя на погост, следовало чисто одеваться, в воротах поздороваться с умершими и попросить разрешения войти, с могил нельзя было брать никаких предметов; посещать могилы можно было только в определенное время дня, иначе покойники будут пугать и выгонять с кладбища. Возле могил «нечистых» покойников на краю кладбища соблюдали повышенные меры безопасности (бросали на такую могилу ветки либо какой-нибудь предмет из кармана), чтобы неуспокоенная душа не стала преследовать посетителя. Для душ «родителей», наоборот, оставляли приношения в виде обрядовой пищи во время календарных дней поминовения, в ответ ожидая от них помощи и благословения (исцеление болезней, совет в трудных ситуациях и пр.).

Шестой параграф второй главы «*Природные локусы захоронения некоторых групп умерших*» рассматривает обычай хоронить «заложных» покойников в особых *глухих, случайных* местах, находящихся за пределами христианских мест погребения. Помимо земли за оградой кладбищ, для погребения «нечистых» покойников избирали леса, отдельно растущие деревья или их группы, поля, дороги, перекрестки, границы (межи, лесные просеки, границы между угодьями соседних сел и пр.); возвышенности, болота, берега водоемов; в отдельных случаях их погребали на месте их гибели. В основном в природном пространстве погребали самоубийц (чаще всего на перекрестках). Нахождение вблизи таких мест требовало особого поведения: на могилы «нечистых» покойников бросали ветки и др.

По некоторым данным, души «родителей» также могут находиться в «природных» локусах: записан ряд быличек о пребывании в лесу душ умерших, во время сбора ягод в лесу оставляли дары покойным членам семьи и пр.

В третьей главе «Динамический аспект пространства: концепт пути» рассматриваются разные виды перемещений, относящихся к погребальной и поминальной обрядности: перемещение гроба из дома на кладбище и мифологический путь души на «тот свет».

В этой главе также рассмотрен ряд ритуальных действий, связанных с особым состоянием пространства, характерным для погребальной и поминальной обрядности – его п е р е в е р н у т о с т ь ю . Данная особенность выражается в обилии обрядовых действий с семантикой «наоборот»: ряд действий исполняли иначе, в другую сторону, задом наперед (дом мели в обратную сторону, передвигали и переворачивали домашнюю мебель, предметы, повозки, практиковали приемы «антиповедения» (смеховое обращение с трупом, *игры при покойнице*) и пр.). «Перевернутость» в погребальной обрядности символизирует неправильность ситуации смерти по отношению к нормальному порядку вещей и служит оберегом против повторения смерти.

В первом параграфе «Путь обрядовый» проанализирована дорога погребальной процессии на кладбище, которая оказывается ритуально напряженной и опасной, с постоянной необходимостью обеспечивать правильное открытие и закрытие всех преодолеваемых границ (порог, ворота, граница села, перекресток, река, ворота кладбища и пр.), что символически восстанавливает целостность мира, разрушенного из-за случившейся смерти. При преодолении каждого из указанных пограничных локусов предпринимали ряд ритуальных действий, чтобы помешать душе умершего вернуться назад: двери и ворота старались быстрее закрыть, на перекрестках за душу молились и прощались от ее лица со всеми присутствующими и с селом, оставляли душе различные вещи и еду, выбрасывали покойницкие предметы и пр.

Мифологическому пути души на «тот свет» посвящен второй параграф «Путь мифологический». Путь души на «тот свет» частично совпадает с дорогой погребальной процессии на кладбище (душа идет вслед за гробом). Представления о путешествии души в потусторонний мир объясняют использование в погребальном обряде ряда предметов, символов и ритуалов, применяющихся для облегчения

пути душе (в гроб и могилу клали полотенца и отрезы ткани; при выносе пороги дома застилали полотном (Слущкий р-н), на могиле оставляли использованные на похоронах носилки и пр.).

Важным для концепта пути является семантическое противопоставление «возвратный – невозвратный»: для п о х о р о н путь души н е - в о з в р а т н ы й, он ритуально отражен в ряде поступательно сменяющихся друг друга локусов (покуть – порог – двор – граница селения – перекресток – ворота кладбища – могила). Возвращение возможно только для души, ставшей одним из предков, приглашаемых домой на поминальные трапезы. Возвращение назад души, не преодолевшей всего пути на «тот свет» и не причисленной к разряду предков, является опасным для сообщества и сулит новые смерти; означает несостоятельность всего погребального обряда, в первую очередь призванного правильно проводить душу на «тот свет» и восстановить границы между мирами живых и усопших.

Поминальная обрядность, с другой стороны, предполагает временное «гощение» души в родном доме, ее путь туда и назад на «тот свет». На п о м и н к а х ожидается в о з в р а щ е н и е души и ее уход вновь на «тот свет», путь души направлен в обе стороны (кладбище – подворье – окно – дом – стол – порог/дверь – могила/«тот свет»). Такое возвращение умерших для контактов со своими живыми потомками регламентировано обычаем и обеспечивает взаимовыгодный обмен между мирами.

Путь душ обретает ц и к л и ч н о с т ь в представлениях о реинкарнации, которая выражена в поверьях о годовых переходах душ в природе (возвращение, прилет в виде птиц весной, уход к осени, пребывание зимой на «том свете») и переселении души умершего предка в новорожденного.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Символика, аксиология и структурирование пространства показали свою особую значимость, поскольку пространство оказывается не случайной характеристикой, напр. ритуала, а имеет глубинную связь со всей содержательной стороной похоронно-поминального комплекса обрядов, что позволяет через анализ данных языка традиционной культуры изучать один из важнейших концептов: архаические представления о смерти человека и бессмертии его души.

Исследование показало, что основными пространственными семантическими оппозициями для исследуемого ритуально-мифологического комплекса оказываются: *сфера живых – сфера умерших, земной мир – «тот свет»*. В диссертации были выделены и подробно рассмотрены главные пространственные концепты в похоронно-поминальной обрядности: *дом* и вся территория, считающаяся в народной культуре «своим» пространством; *кладбище* вместе со всеми расположенными на нем символически значимыми локусами, выражающими идею «чужого» мира, «того света» и особая категория пространства, имеющая показатель динамики, – *путь* из дома на кладбище, совершаемый погребальной процессией и дорога души в потусторонний мир.

Также было замечено, что противопоставление крайних точек жилого и нежилого пространства (дом и кладбище) не является абсолютным и постоянным. Наоборот, данные «статические» локусы в исследуемой обрядности (дом и кладбище) могут менять свою семантику и аксиологический знак в зависимости от обрядового и календарного времени (дом теряет признаки жилого и безопасного пространства с момента смерти, кладбище во время погребения и весенних поминальных обрядов значительно сближено с жилищем и пр.).

Наряду с этим были сделаны особые выводы, касающиеся самой категории пространства в исследуемом типе обрядности. Помимо статических, пространство обнаруживает признаки динамических форм, проявляющихся в векторности, последовательности преодоления локусов (напр. в погребальном шествии), направленности назад, цикличности и пр. Также было уделено внимание особому состоянию пространства, проявляющемуся на протяжении многих этапов обряда – перевернутости (действиям, исполняемым иначе, чем обычно; переворачиванию предметов и пр.). Такой пространственный признак оказывается маркером потустороннего мира (на «том свете» все наоборот и пр.) и характеризует ситуации его прямого влияния (смерть).

Важной идеей в данном диссертационном исследовании может быть признан изоморфизм, который проявляет себя не только как очевидные семантические соответствия типа «дом – могила», «дом – гроб», «селение – кладбище»; но и как обрядовая и мифологическая синонимия: похороны – новоселье и пр. Такая синонимия в обрядовом и мифологическом смысле, относящаяся к разным областям традиционной культуры,

позволяет говорить о погребальном обряде как об особом культурном коде многих других обрядов.

Анализ локативной терминологии, относящейся к погребально-поминальной обрядности, позволил выявить ее основную мифологическую семантику. Главными темами данного пласта терминологии можно признать 'дом' и 'путь'. Большинство локативных терминов (прежде всего, предикатов перемещения) связаны с мифологическими представлениями о моменте смерти (агония), с обрядностью личных и календарных поминок (весенние поминки на кладбище, обряды 40-го дня после смерти, *деды*).

На основе данных Полесского архива были сделаны выводы географического характера, касающиеся особого типа погребального обряда для «заложных» покойников. Например, в восточной зоне Полесья архаические черты погребений данного типа умерших обнаруживают большую сохранность (выбор «природных» или «домашних» локусов для их похорон и пр.).

Диссертация снабжена четырьмя приложениями. В **первом приложении «Метафорическая лексика и фразеология, связанная со смертью»** приводится локативная лексика и терминология погребального и поминального обрядов, включающая *названия локусов* (кладбище, дом, окно, порог и др.) и *предикаты перемещения* (идти, выходить, уходить и пр.). Названия локусов сами по себе лишены особой культурной семантики, весь вес которой приходится на предикативы, чаще всего встречающиеся во фразеологии, обслуживающей исследуемую обрядность.

Важнейшими темами лексики и фразеологии оказываются 'путь' и 'дом'. Тема *пути души* на «тот свет» реализована, прежде всего, в терминах, относящихся к агонии (полес. *идэ ў нуть, идзе в дарогу*). Тема пути, ухода в терминологии смерти и агонии распространена на всей исследуемой территории, ср.: рус. *отошел, ушел в мир иной*; полес. *сабирáецца в дарогу, поéде на той свет*; бел. *паéхала ат мянэ*; укр. *душа вийшла*; пол. *odszedł do Boga* [отошел к Богу], *przejechać się na tamten świat* [переехать на тот свет], *udać się/pójść w drogę wieczności* [отправиться/пойти в вечный путь].

С понятием пути души на «тот свет» тесно связана локативная фразеология со значением *верх* и *низ*. Оппозиция тело – душа и представ-

ления о посмертном пути души «вверх», в то время как тело идет «вниз», погребается в землю, отражены в соответствующей лексике, относящейся к смерти и агонии: полес. *пуйду ў зéмлю*; о выходе души говорили: полес. *душá полетéла увэрх, воздух пошоў на небо*; пол. *dostać się do nieba, pójść do ziemi* [попасть на небо, пойти в землю].

Лексика агонии раскрывает образ «того света» как истинного дома: полес. *собира́ться домой, да дому пайшоў, трэ́ба до дóму, пойдú до дóмы, до свогó дому, пойти на вéчный дом, до сво́их на тот свит, до своей родины*; пол. *odejść na wieczne gospodarstwo* [отойти на вечное хозяйство].

Второе приложение «Места захоронения “нечистых” покойников в Полесье» представляет собой таблицу и карты, отражающие особенности похорон «заложных» покойников: выбор для их захоронения локусов домашнего, природного и кладбищенского пространства; отсутствие или редуцированное состояние обряда, локусы погребения разных категорий «заложных», поведение вблизи их могил (бросание на них веток и разных предметов) и др.

Третье приложение «Программа для полевых исследований локативного кода погребальной и поминальной обрядности» составлена автором на основе программы Полесского этнолингвистического атласа. По ней было обследовано автором около 30 сел в 4 районах Белоруссии (Стародорожский, Слуцкий, Хотимский и Костюковичский р-ны).

Четвертое приложение «Материалы полевых исследований в Минской и Могилевской областях Белоруссии» состоит из собранных автором по собственной программе полевых записей, касающихся локативного кода погребальной и поминальной обрядности и мифологических представлений о душе (всего 322 текста).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК

1. Андрыюнина М.А. Труба печная // Славяноведение, М., 2009. № 6. С. 47–52.
2. Андрыюнина М.А. «Посольство» иного мира на земле – символика кладбища в народной культуре // Славяноведение, М., 2013. № 6. С. 43–51.

3. Андрюнина М.А. Места захоронений – «хорошие» и «плохие» (по материалам Полесского архива) // Научный альманах Традиционная культура. 2/2014. М. С. 124–133.

Публикации в других изданиях

4. Андрюнина М.А. Пространственные характеристики календарных поминальных обрядов // Живая старина, М., 2008, № 4. С. 26–28.
5. Андрюнина М.А. Дымоход в верованиях и обрядах Полесья // Живая старина, М., 2010. № 3. С. 27–29.
6. Андрюнина М.А. «Заложные» покойники – локусы тела и локусы души // Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Л.Н. Виноградской / Ред. О.В. Белова, А.В. Гура, С.М. Толстая, М., 2011. С. 99–108.
7. Андрюнина М.А. Символическое «кормление» умерших: пространственная характеристика // Пространство и время в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая, М., 2011. С. 70–87.
8. Андрюнина М.А. Визионерский опыт в отношениях между живыми и умершими // Живая старина, М., 2012. № 1. С. 36–39.
9. Андрюнина М.А. Труба печная // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 325–329.
10. Андрюнина М.А. Чердак // Там же. С. 505–508.

Подписано в печать 07.07.2015
Объем 1,2 п.л. Тираж 100 экз.